

Глава 1

Белкастер, 1948 год

Они снова кричали. Рита слышала из своей комнаты: жалобные завывания матери и свирепый рык ее мужчины. Девочка не сразу встала с кровати, лежала и прислушивалась. Она не могла разобрать, о чем они говорят, но было ясно, что снова спорят.

Ее сестренка Роза мирно спала на другой стороне их общей кровати, а бродячий кот Феликс свернулся калачиком рядом с ней. Сестра никогда не просыпалась, как бы громко внизу ни орали.

Рита выскользнула из-под одеяла, на цыпочках пробежалась по комнате и прокралась к лестнице. Яркий зеленоватый свет от уличного фонаря проникал сквозь небольшое окно на узкую лестницу, что вела на второй этаж. Внизу тусклый желтый луч света падал на коричневый линолеум сквозь полуоткрытую дверь кухни и отбрасывал тени в прихожую.

Из кухни доносились громкие и сердитые голоса. Рита присела у перил и прижалась лицом к прутьям. Отсюда было лучше слышно.

— ...мои дети.

Это мамин голос.

— ...мерзкие отродья!

При звуке голоса дяди Джимми, нового маминого друга, Рита задрожала.

Мама расплакалась, ее жалобные стенания эхом разнеслись по дому.

— Ради бога! — снова зазвучал мужской бас. — Прекрати этот кошачий вой, иначе больше меня не увидишь.

Грохнул стул, и луч света, проникавший из кухни, стал шире, потому что дверь распахнулась. Рита нырнула обратно в спальню, дверь в комнату громко скрипнула. Она прыгнула в кровать, сбросила с одеяла протестующего Феликса и накрылась с головой. Рита старалась успокоиться, изо всех сил пыталась дышать ровно, словно она спит так же безмятежно, как Розы, но при звуке приближавшихся шагов ее сердце колотилось, а кровь стучала в ушах. Она поднимался в их спальню.

— Рита? Ты что, не спишь?

Какой грубый у него голос!

Он не включил свет на лестнице, и потому чуть не грохнулся на верхней ступеньке, споткнувшись о Феликса.

— Проклятый кот! — Мужчина в бешенстве задрал ногу, чтобы пнуть животное, но Феликс был уже внизу.

Джимми Рэндалл остановился и прислушался. Из комнаты девочек не доносилось ни звука. Он подошел к приоткрытой двери и заглянул внутрь. В спальне было слишком темно, и потому Джимми ничего не увидел, только услышал ровное дыхание двух спящих девочек.

«Должно быть, кот шумел, мерзкий бродяга, — подумал он, — и почему только Мэвис держит его в доме. Был бы я здесь хозяином...»

Он не был хозяином в этом доме. Пока нет. Но Джимми Рэндалл знал, что рано или поздно он наведет здесь порядок, и был

настроен решительно. Ему нравился этот аккуратный домик на Шип-стрит. Не все дома на этой улице выглядели аккуратно, слишком пострадали от бомбежек: трещины на окнах, потрескавшаяся краска, засыпанные щебнем палисадники. Джимми готов был отремонтировать дом, если в конце концов станет в нем хозяином и они будут жить здесь вдвоем — он и Мэвис. Только никаких орущих детей.

Рита слышала, как мужчина закрыл дверь, но боялась шелхнуться. А вдруг это уловка, вдруг он затаился в комнате и ждет, когда она выдаст себя? Прошло несколько минут, прежде чем девочка решилась открыть глаза. В темноте она ничего не видела, но снизу, с первого этажа, снова звучал громкий раздраженный голос.

Она лежала в темноте и думала о дяде Джимми. Он появился в их жизни два месяца назад. Навещал их, сначала не часто, был таким улыбчивым, а однажды принес шоколадку. Это был подарок для мамы, но та каждый день отламывала по кусочку и угощала девочек, пока лакомство не закончилось. Рита уже тогда боялась дядю Джимми. У него был громкий голос, и он был очень вспыльчивым.

Риту вообще пугали мужчины. Своего отца она едва помнила. Мама рассказывала, что он погиб на войне еще до рождения Розы. Он служил в ВВС, летал на самолете где-то высоко над Германией, и однажды ночью его самолет не вернулся. На кухне, на полочке, стояла его фотография в серебристой рамке. На ней отец улыбался. С какой бы стороны Рита ни садилась, человек с фотокарточки всегда наблюдал на ней и улыбался только ей. Она любила разглядывать его лицо, улыбку, морщинки вокруг глаз, светлые курчавые волосы, наполовину прикрытые фуражкой летчика ВВС. У Розы были такие же волосы: вьющиеся, густые и светлые. А Рита унаследовала мамин-

ны: тонкие, темные и прямые. Она немного завидовала Розии... и папе.

Но потом фотография вдруг исчезла.

— А где папа? — спросила как-то утром Рита. Она села за стол и неожиданно заметила, что фотографии нет. — Куда делся папа?

Не поднимая глаз, мама ответила:

— Я убрала фото, нужно почистить рамку.

Фотография так и не вернулась на полку, и Рита скучала по папе.

— Я могу почистить рамку, — предложила она, — и постараюсь сделать это хорошо.

— Рамка в ремонте, — объяснила мама. — Когда я начала ее чистить, рамочка сломалась, и мне пришлось отдать ее в мастерскую.

Рита больше не спрашивала про папину фотографию, она поняла, что на полочку папа больше не вернется и это как-то связано с появлением маминого друга.

Присутствие Джимми Рэндалла многое изменило. Девочки постоянно сталкивались с ним, когда приходили домой из школы. Раньше мама встречала их у школьных ворот, но с тех пор, как дядя Джимми, как они должны были его называть, стал частью их жизни, у мамы возникло множество других дел, и теперь Рита самостоятельно приводила Розии домой.

— Держи ее за руку всю дорогу, — наказывала мама. — И идите прямо домой, никуда не сворачивая.

Поэтому каждый день, кроме четверга, Рита брала Розии за руку, осторожно переводила через улицу и вела домой. И почти каждый день, вернувшись из школы, они сталкивались на кухне с дядей Джимми.

А по четвергам был бабушкин день. Каждый четверг бабушка, мамина мама, встречала их у школьных ворот и отводила к себе, где поила чаем. Иногда она разрешала девочкам поиграть в парке.

— Мне не нравится дядя Джимми, — однажды призналась Рита во время чаепития. — Он все время кричит. Вчера я уронила чашку, и он отправил меня наверх без чая. Она даже не разбилась, бабушка. Это нечестно!

Бабушка обняла ее в ответ.

— Не расстраивайся, милая, — сказала она. — Будем надеяться, что он не задержится у вас надолго.

Лили — так звали бабушку — тоже не нравился ухажер ее дочери.

Лили Шарплс была вдовой и жила в небольшом кирпичном доме на Хэмптон-роуд, который достался ей после смерти мужа. Бомбы люфтваффе, разбомбив все дома в округе, пощадил этот дом. Всю войну Лили прожила в нем, отказываясь уехать, несмотря на налеты.

— Тридцать лет я живу в этом доме, — объясняла она дочери, — и вынесут меня отсюда только ногами вперед.

Лили беспокоилась о Мэвис. Вот уже пять лет, как та потеряла мужа, и потому мать совсем не удивилась, когда дочь начала с кем-то встречаться, тем более что девочкам нужен был отец. Просто ей казалось, что Джимми Рэндалл не подходит на эту роль. Она понимала, почему Рита его боится: мужчина не любит детей и постоянно выходит из себя. Однажды Лили стала свидетелем, как он отвесил Рите пощечину. Девочка кинулась к бабушке, прижалась к ней и разрыдалась, а Лили, гневно обернувшись к Рэндаллу, выкрикнула:

— Что за дикость?!

Джимми злобно глянул на нее и огрызнулся:

— Они совсем распустились! Пусть знают, кто в доме хозяин.

— Ты в этом доме не хозяин! — сорвалась тогда Лили. — Это их дом!

Лили очень боялась, что Рэндалл все-таки станет хозяином в доме ее дочери. Она решила поговорить об этом с Мэвис.

— Ты ведь знаешь, что девочки до смерти боятся твоего друга? Разве это правильно? Они не должны бояться никого из домашних, ведь так?

— А как же я? — заныла Мэвис. — Дон умер, и что, теперь я всю жизнь должна быть одна?

— Конечно нет, — ответила Лили, — но о детях тоже нельзя забывать. Разве стоит связывать свою жизнь с человеком, которого они боятся?

— Он так их воспитывает, — возразила Мэвис. — Девочки не привыкли слушаться отца. Привыкнут со временем. У него просто вспыльчивый характер.

— Он их не любит, — мягко возразила Лили.

— Конечно не любит, — согласилась Мэвис. — Они же не его дети. Но он заботится о них, так же как и обо мне.

— Ты собираешься за него замуж?

Мэвис пожала плечами:

— Не знаю, может быть.

Лили внимательно взглянула на дочь, а затем осуждающе покачала головой:

— Он ведь уже поселился в твоём доме, так? Проводит с тобой ночи, а девочки спят в соседней комнате. Это неприлично, Мэвис. Твой отец не допустил бы подобного.

— Времена изменились, мам, — усмехнулась Мэвис. — Война всему причиной. Слишком многие не вернулись домой. А Джимми вернулся, и я не упусти его.

— Да у него даже работы нет, — заметила Лили. — Как же он будет заботиться о тебе?

— Он вот-вот устроится на работу, — оправдывалась Мэвис. — На стройках сейчас не хватает людей. Чарли, его приятель, обещал устроить Джимми на стройку, туда, где сам работает.

На следующее утро, после того как Рита услышала ночью крики, они с Розы, как обычно, собирались в школу. Дядя Джимми за завтраком не было, но у бедной мамы на лице появился синяк.

— Такая глупость, — посетовала она, когда Рита дотронулась до ее лица. — Я слишком резко обернулась и налетела на дверь. Глупая мамочка!

— Глупая мамочка! — эхом отозвалась Розы и захихикала. — Глупая мамочка!

Весь день Рита не могла забыть, как кричал ночью дядя Джимми, как плакала мама и как загрохотал опрокинутый стул. Ни о чем другом девочка не могла думать, и в школе ее отругали за то, что считает ворон на уроках. Но к концу учебного дня Рита знала, что делать: они пойдут к бабушке. Та живет недалеко, и чтобы до нее добраться, не нужно переходить через опасную дорогу, к тому же Рита будет крепко держать Розы за руку.

Когда уроки закончились, Рита взяла сестру за руку и вывела за школьные ворота. Они повернули не туда, куда обычно поворачивали, когда шли домой. Розы весело семенила рядом.

— Куда мы идем? — спросила она.

— К бабуле, — ответила Рита, крепко сжимая руку сестры.

— Ура-а-а! — обрадовалась малышка. — Она угостит нас чем-нибудь вкусеньким?

— Конечно, — уверила сестру Рита, и через несколько минут они уже стучались в бабушкину дверь.

Бабушка очень удивилась, увидев девочек. Это ведь был не ее день, не четверг.

— Привет, — сказала она. — Что вы тут делаете?

— Мы не хотим идти домой, — заявила Рита.

— Мы хотим сладкого, — вмешалась Роза и схватила бабушку за руку. — Можно нам сладкого, бабуль?

Лили открыла жестяную коробочку и дала девочкам по печеню. Потом она повернулась к Рите:

— Почему ты не хочешь возвращаться домой? Куда ж вам еще идти, если не домой? К тому же мамочка будет сильно волноваться.

— Я не пойду домой, — повторила Рита. — Там дядя Джимми.

— Ну и что? — удивилась Лили. — Он просто мамин друг.

— Они дрались, — сказала Рита. — Дядя Джимми кричал, а мама плакала. Не хочу больше этого слышать.

Лили обняла девочку.

— Ты что-то перепутала, детка. Но даже если они ссорились, вам все равно надо идти домой, иначе мама решит, что с вами что-то случилось. Давай-ка я оденусь и провожу вас.

И они пошли обратно на Шип-стрит. Роза бежала вприпрыжку, весело болтая, а Рита молчала всю дорогу, ей явно не хотелось домой. Лили понимала, что внучка очень разочарована: она пришла к бабуле, чтобы спрятаться у нее, а бабуля ведет ее туда, где страшно. Но что же делать? Мэвис с ума сойдет от беспокойства, если девочки не вернутся из школы. Нужно поскорей довести их до дому.

Когда они пришли, Мэвис была на кухне, пила чай и с удивлением воззрилась на них.

— Привет, мам, — сказала она. — Вот так неожиданность!

— Я привела девочек.

— Да? — Мэвис рассеянно взглянула на кухонные часы. — Ты встретила их на улице?

— Они пришли ко мне, — осторожно заговорила Лили. — Мэвис, нам есть что обсудить. Может, ты покормишь детей, а потом поболтаем?

Мэвис пожала плечами.

— Ничего еще не готово. Девочки, идите поиграйте на улице. — Она кивнула в сторону двери. — Я позову вас.

Рита схватила Розы за руку.

— Пойдем поиграем с Мэгги.

Когда они ушли, Лили пододвинула стул и села.

— Что у тебя с лицом? — спросила она, заметив синяк на лице дочери.

Мэвис залилась краской.

— Врезалась в дверь.

Лили хотела что-то сказать, но потом передумала.

— Они сами пришли ко мне после школы. Рита сказала, что не хочет идти домой, что вы с Джимми дрались.

— Ничего подобного! — огрызнулась Мэвис. — Мы просто ссорились вчера вечером, вот и всё. Ничего особенного.

— Рита слышала, — настаивала Лили. — Она очень расстроилась.

— Ей не из-за чего расстраиваться. Уж и поспорить ни о чем нельзя!

— Ты и с дверью спорила? Поэтому у тебя синяк?

— Знаешь что, мам! — взорвалась Мэвис. — Ты не имеешь права приходить сюда и вмешиваться в мою жизнь! Не твое дело, что я делаю, с кем общаюсь и как забочусь о детях.

— Мэвис, они боятся Джимми.

— Ничего не поделаешь, — отрезала дочь. — Придется им привыкнуть, он здесь надолго. — Она посмотрела на мать и внезапно разрыдалась. — Я сегодня была у доктора, мам. Нет, не из-за синяка. Джимми уже извинился. Этого больше не повторится. Он ведь не такой. Я пошла из-за... из-за другого... — Она прижала руки к животу. — Уже четыре месяца.

— Это ребенок Джимми?

— Конечно, Джимми! Что я, шлюха, по-твоему?

— Он рад? — спросила Лили, задумавшись, не из-за этого ли вчера был скандал.

— Он пока не знает, — призналась Мэвис. — Я только сегодня была у врача. Хотя, конечно, я догадывалась. Долго не было месячных, решила проверить.

— Когда ты ему скажешь?

— Может быть, сегодня. Надо выбрать подходящий момент.

— А девочкам? Им тоже нужно сказать.

— Им незачем знать. Еще много времени пройдет, прежде чем... И ты им не говори, мам. Хорошо? Нужно приготовить еду, чтобы они поели до того, как Джимми вернется домой.

Мэвис отрезала два куска хлеба и стала намазывать на них маргарин.

— Хочешь, пойдешь позови их.

Лили подошла к входной двери и выглянула на улицу. Девочки играли в классики на тротуаре. Она улыбнулась, увидев, как Рита размахивает руками, балансируя на одной ноге, пытаясь прыгнуть и сдвинуть камешек. А потом Лили вспомнила о том, что только что сказала ей дочь, и улыбка исчезла с ее лица. Жизнь внушек, несомненно, изменится. Однако даже в самых

безумных фантазиях Лили не могла представить, насколько сильно.

В тот вечер Джимми вернулся на Шип-стрит уже после того, как дети легли спать, хотя Мэвис ждала его к шести и, как обычно, приготовила ужин. Джимми жил со своим вдовствующим отцом, но любил приходить к Мэвис поесть и не сомневался, что к его приходу все уже будет готово. Сегодня он задержался, потому что выпивал с Чарли, праздновал свой успех. Теперь у него появилась работа на стройке. В другое время он никогда бы на такое не согласился, но это возможность заработать хоть немного денег, а денег Джимми всегда не хватало. Требовались люди, чтобы расчищать завалы после бомбежек, отстраивать новые дома. Кроме того, на развалинах можно кое-чем поживиться, если про-раб не заметит. Чарли говорил: «Никогда не знаешь, на что наткнешься. А если сумеешь добыть что-то стоящее среди руин, заросших сорняками и бог знает чем еще, можно будет продать это в пабе и заработать денег». Так что самое время было праздновать, чем приятели и занимались.

Когда Джимми, шатаясь, ввалился на кухню, был уже поздний вечер. Мэвис сидела за столом и штопала. Она не отложила свое занятие, а просто взглянула на вошедшего и улыбнулась. Это неожиданно взбесило Джимми. Он ждал, что при виде него она вскочит и бросится накрывать на стол, ведь теперь он получил работу и тупая телка наверняка будет не против получить свою долю от его зарплаты. Все в этом доме не по-людски.

Джимми плюхнулся на стул.

— Где мой ужин?! — прорычал он.

— В духовке, — ответила Мэвис и поспешно отложила штопку, — Сейчас принесу. Он остыл, конечно... Я думала, ты придешь раньше.

Она открыла духовку и достала тарелку с сосисками и пюре. Луковая подливка, которой было сдобрено блюдо, засохла и превратилась в коричневую массу.

Джимми глянул на еду, которую Мэвис поставила перед ним, а затем свирепо уставился на женщину.

— Что это такое?! — рявкнул он. — Дерьмом решила меня накормить?

Он смахнул тарелку на пол, и та с грохотом разбилась. Потом он неуверенно поднялся на ноги, Мэвис отшатнулась в сторону.

— Убери это дерьмо! — гаркнул Джимми, не сводя с нее злобного взгляда. — И приготовь мне поесть.

Мэвис опустилась на колени, чтобы поднять осколки и соскрести еду с пола, но вдруг почувствовала, что он стоит прямо над ней. Она отпрянула и взвизгнула:

— Не бей меня, Джимми, я беременна! У нас будет ребенок!

Он замер и схватился за стол, чтобы не упасть.

— Охренеть! Только этого не хватало... — пробормотал он и рухнул обратно на стул, а потом уронил голову на руки и заснул.

Каким-то чудом Мэвис удалось разбудить его и отвести наверх. Она сумела уложить его в постель, стянула с него ботинки и накрыла одеялом. Потом она выскользнула из спальни и заглянула в комнату к девочкам. Дети крепко спали, по крайней мере, так это выглядело. Трудно было понять, спит ли Рита. Она умела притворяться. Наверняка вчера ночью она слышала, как они ссорились, и потому побежала к бабуле наябед-

ничать, чтобы та пришла к ним в дом и навела свои порядки. Мэвис еще долго простояла у двери, но все было тихо.

Она спустилась вниз, собрала осколки с пола и, сделав себе чашку чая, села на стул в изнеможении. «Интересно, вспомнит ли Джимми утром то, что я ему рассказала?» — думала Мэвис. Не так она собиралась сообщить ему о ребенке. Резкие слова вырвались сами собой. Что он теперь сделает? Станет мягким и добрым или бросит ее с тремя детьми?

Он вроде хотел стать отцом. Особенно если родится мальчик. Конечно, ведь все мужчины хотят сына.

Она вдруг вспомнила Дона. Тот не возражал против девочек. «Главное, чтобы руки и ноги были на месте, любимая, — говорил он, похлопывая ее по выпуклому животу. — По мне, так остальное неважно». Так и было. Он обожал Риту и наверняка полюбил бы и Розу, если бы был рядом, когда та родилась.

Конечно, Джимми полюбит ребенка, как только привыкнет к мысли, что он теперь отец. И тогда они поженятся, чтобы малыш не остался незаконнорожденным.

Глава 2

Утром, пока Джимми все еще храпел, Мэвис собирала девочек в школу.

— Сегодня сразу возвращайтесь домой, — велела она Рите. — Ты поняла меня? Не ходите к бабушке, не тревожьте ее по пустякам.

— Да, мама, — покорно согласилась Рита.

Она слышала вчера вечером, как разбилась тарелка и как мама помогала дяде Джимми подняться на второй этаж. Девочка тихо лежала в постели и в конце концов заснула, но утром она вспомнила все, что слышала перед сном. Ей было неприятно вспоминать прошлый вечер. Как хорошо, что, пока они с Розы собираются в школу, дядя все еще спит.

Джимми появился на кухне через пару часов.

— Что на завтрак? — спросил он вместо приветствия.

— Поджарить тебе тосты? — осторожно предложила Мэвис.

— Тостами сыт не будешь, особенно перед работой, — проворчал Джимми и плюхнулся на стул.

Мэвис поскорей налила ему чая, а потом принялась готовить тосты.

— Ты нашел работу? — робко поинтересовалась она.

— Ну конечно. Я же сказал тебе об этом вчера вечером. Начинаю с понедельника.

Мэвис не помнила, чтобы он упоминал о работе накануне, но решила не сердить мужчину лишний раз, тем более что он проснулся в хорошем настроении. Джимми пил чай, пока Мэвис поджаривала тосты на сковородке, а потом намазал на каждый по тонкому слою маргарина и принялся за еду.

«Маргарин весь съели, — с горечью подумала Мэвис. — А новый смогу получить только на следующей неделе».

— Мне нужна твоя продовольственная книжка¹, — сказала она, наблюдая, как Джимми поглощает тосты. — Без нее нам не справиться.

Он пожал плечами:

— Вроде не так много времени я здесь провожу.

— Достаточно много, твой паек нам бы не помешал, — возразила Мэвис, удивившись собственной смелости. — Джимми, мне нужно кормить детей, к тому же теперь, когда я в положении... — Она не договорила, ожидая, что он скажет.

Джимми взглянул на нее:

— В положении? А, ну да, опять залетела.

— Это твой ребенок, Джимми, — сказала она. — Наш ребенок. У нас будет ребенок.

Джимми промолчал.

— Джимми, — вновь отважилась Мэвис, — у нас будет ребенок. Ты станешь отцом.

— Да слышу, не глухой. Что мне теперь — джигу станцевать на радостях? Я даже не знаю, мой ли он.

¹ Продовольственную книжку имел после войны каждый житель Англии. Туда вклеивались талоны, которые можно было обменять на продовольственные товары.